

ИЗ ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

А.Т. Павлов

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ*

Философия в Московском университете начала преподаваться с первых лет его существования. Более того, первая лекция, прочитанная в университете, была лекция Н.Н. Поповского о философии и важности ее для понимания окружающего нас мира. Однако готовить выпускников по специальности «философия» в Московском университете стали только с 1906 г. До этого времени философские дисциплины преподавались как общеобразовательные. С 1755 г. и до принятия нового университетского устава в 1804 г. логику, метафизику и нравоучительную философию обязаны были изучать все студенты университета на философском факультете (наряду с математикой, физикой, историей, красноречием и геральдикой). Только после трехлетнего обучения на философском факультете студенты могли продолжать обучение на медицинском, юридическом факультетах или совершенствовать свои знания по специальностям философского факультета.

Университетский устав 1804 г. изменил структуру университета. Философский факультет был ликвидирован, а философские дисциплины остались только на отделении нравственно-политических наук, иногда курсы логики и истории философии читались и на отделении словесных наук. После Отечественной войны 1812 г. отношение к философии в России сильно изменилось. Московский университет избежал погромов философии, которые были учинены в Казанском и Петербургском университетах, однако после смерти профессора Брянцева в 1821 г. кафедра философии оставалась вакантной до 1845 г.

По университетскому уставу 1835 г. философский факультет был восстановлен, но уже не как общеобразовательный, а в составе двух отделений — историко-филологического и физико-математического. Причем кафедра философии была включена в состав историко-филологического отделения и студенты других факультетов и физико-математического отделения философских дисциплин уже не изучали, хотя на юридическом факультете в отдельные годы читался курс логики.

---

* Работа выполнена при поддержке РФНФ, проект № 02—03—18126а.

В 1850 г. во всех российских университетах были ликвидированы кафедры философии и философские факультеты, два отделения которых были преобразованы в самостоятельные факультеты: историко-филологические и физико-математические. Из философских дисциплин в преподавании остались только логика и психология, читать которые было поручено профессорам богословия.

Возобновилось преподавание философских дисциплин в Московском университете только в 1861 г.¹, когда по ходатайству попечителей учебных округов Александр II в 1860 г. повелел: «Возобновить в университетах и Ришельевском лицее, на прежнем основании преподавание истории философии, с логикой и психологиею»². Кафедры философии были восстановлены в составе историко-филологических факультетов, а не как общеуниверситетские, поэтому философская подготовка студентов велась только на историко-филологических факультетах. Правда, по университетскому уставу 1863 г. на юридическом факультете был введен курс истории философии права, который должна была вести кафедра энциклопедии права. Таким образом, и после возобновления преподавания философии в университетах она оставалась общеобразовательной дисциплиной, и то только для историков и филологов, а специалистов по философии российские университеты не готовили. Вместе с тем философская подготовка студентов на историко-филологическом факультете была на довольно высоком уровне, так как философские дисциплины читались на факультете три года по 4—6 часов в неделю. Неплохую подготовку получали студенты юридического факультета, где читалась история философии права, а также логика, и в отдельные годы преподавалась история философии силами профессоров кафедры философии историко-филологического факультета. Не случайно выпускниками юридического факультета были такие известные философы, как Б.Н. Чичерин, Е.Н. Трубецкой, П.И. Новгородцев, С.Н. Булгаков, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, Н.Н. Алексеев и др.

К концу XIX столетия интерес к философии в российском обществе значительно возрос, и к 1906 г. в Московском университете был подготовлен новый учебный план историко-филологического факультета, в котором было предусмотрено создание группы философских наук для подготовки выпускников по специальности «философия». При этом философская подготовка историков и филологов несколько не уменьшалась. Подготовка специалистов по философским наукам предусматривалась по трем секциям: истории философии, психологии и систематической философии. В качестве основных для студентов всех трех секций были подготовлены курсы логики, психологии, а также курсы по

всем периодам истории философии. Естественно, что исторические, филологические и иные курсы читались преподавателями других кафедр историко-филологического, физико-математического и медицинского факультетов. Студентам философской группы рекомендовалось также посещать курсы наук физико-математического и медицинского факультетов, особенно это касалось тех, кто решил специализироваться по секциям психологии и систематической философии.

Для осуществления нового учебного плана на кафедру философии Московского университета был приглашен Георгий Иванович Челпанов, получивший во время работы в Киевском университете св. Владимира известность как прекрасный педагог, организатор психологических исследований и горячий приверженец специального философского образования.

Кафедра философии стала интенсивно развиваться, ибо для выполнения всей программы, заложенной в новом учебном плане, требовались новые специалисты. Если в момент прихода Г.И. Челпанова на кафедру на ней работали профессор Л.М. Лопатин и приват-доценты А.С. Белкин, Н.Д. Виноградов, Д.В. Викторов и П.В. Тихомиров, то уже в следующем году на кафедру был зачислен Н.Г. Городенский (на место ушедшего Тихомирова), в 1908 г. — П.П. Соколов, в 1909 г. — А.М. Шербина, Н.В. Самсонов, А.В. Кубицкий, в 1910 г. — Г.Г. Шпет и В.Ф. Эрн, в 1912 г. — М.М. Рубинштейн, в 1913 г. — П.П. Блонский и А.П. Болтунов, и к 1917 г. в составе кафедры было уже двадцать преподавателей³.

Организация выполнения хорошо продуманного учебного плана в части, касавшейся группы философских наук, наталкивалась на немалые трудности из-за отсутствия подготовленных специалистов. Поэтому не все дисциплины, предусмотренные планом, стали читаться сразу, они вводились в учебный процесс по мере привлечения на кафедру соответствующих специалистов. Поэтому у обучавшихся на факультете студентов складывались об учебном процессе весьма различающиеся впечатления. Вот, например, как описывает учебный процесс на историко-филологическом факультете в период после 1908 г. А.И. Солженицын: «Челпанов читал введение в философию — и так читал, что это оторвало искателя от истории — и кинуло в мир философии. Год за годом потекли курсы — у Виппера — философия истории, у Попова⁴ — история средневековой философии, у Лопатина — история новой философии, а затем — новый поворот — у Ивана Васильевича Попова история патристической философии, и сильное в университете даже посмертное влияние Сергея Николаевича Трубецкого, его духовного огня, и кипение семинаров: есть ли Бог? есть ли нравственный закон? есть ли непреходящий смысл

жизни и мира? — затем можно было взять историю религий, раннее христианство — и так пролег путь не кончить на университете, но идти в Духовную академию к тому же Попову»⁵.

А вот у Валентина Федоровича Булгакова, сибирского журналиста и поклонника Льва Толстого, поступившего в группу философских наук в 1906 г., сложилось об учебном процессе совершенно противоположное впечатление. В 1910 г. он так говорил об организации учебы на историко-филологическом факультете: «Объявленные курсы лекций по отдельным предметам распределены были в высшей степени беспорядочно: новую философию мы должны были слушать прежде древней, целый ряд либо узкоспециальных (как гносеология), либо необязательных курсов предшествовали чтению основных курсов по нашей специальности. Кроме того, профессора решительно игнорировали вопрос о том, насколько подготовлены их слушатели к восприятию того или другого специального курса, излагавшегося обычно без всяких необходимых вводных пояснений, тяжелым, так называемым “научным” языком, с самой убийственной терминологией. Между собою отдельные курсы разных профессоров были абсолютно несогласованы, то есть не только не дополняли последовательно друг друга, но иногда даже как бы принципиально враждовали между собой. Так, один профессор выступал в качестве спиритуалиста, другой — эмпириокритициста. Конечно, из столкновения мнений рождается истина, согласно французской поговорке. Но все же мы-то, студенты первого курса, не бывшие в состоянии разобраться во всей сумме преподносимых нам знаний, вправе были предъявить к науке требования большего единства. Вместо этого мы наталкивались еще и на другое, почти анекдотичное явление, состоявшее в том, что каждый профессор уверял во вступительной лекции, что та научная дисциплина, которую он будет излагать, наиболее важная из всех»⁶.

В такой оценке учебного процесса чувствуется брюзжание человека, ожидавшего от университета чего-то похожего на толстовскую систему обучения. Но, по-видимому, в наблюдении В.Ф. Булгакова зерно истины имеется. Несогласованность отдельных курсов видна и из «Обзрений преподавания наук в Императорском Московском университете (историко-филологический факультет)», которые вывешивались перед началом учебного года, чтобы студенты могли набрать себе необходимое количество лекционных курсов и семинарских занятий для успешного учебного года.

Как бы то ни было, по какой причине, не известно, но в 1913 г. учебный план историко-филологического факультета был фундаментально подкорректирован: вместо десяти узкоспециализированных групп было создано пять отделений: классическое, славяно-русское, историческое, романо-германское и философское с

двумя секциями — словесной и исторической. Было это сделано скорее всего потому, что чрезмерная специализация затрудняла трудоустройство выпускников факультета. Особенно это касалось выпускников философской группы: учреждений философского профиля в России не было, в гимназиях изучалась только логика, а преподавать филологические и исторические дисциплины философы были не готовы. Выпускники же словесной и исторической секций философского отделения были способны вести преподавание филологических и исторических наук. Например, в 1914/1915 учебном году студентам философского отделения читались лекции: Введение в философию. Психология. Педагогическая психология. Введение в языкознание. Диалог Платона «Кратил». Толкование избранных мест работы Лукреция «De rerum natura». Европейская философия в XIX столетии. История этики в новой философии начиная с Канта. Древняя русская история. История России в XVIII в. История древнерусской литературы, кончая Пушкиным. Семинарские занятия тоже для студентов всего философского отделения проводились по основным проблемам современной теоретической философии; общей психологии; экспериментальной психологии; логике (элементы логики Аристотеля); этике; истории древней философии; философии Лейбница; философии Фихте; истории новейшей философии (изучение работы Германа Лотца «Metaphysik (System der Philosophie II)»; истории Великого Новгорода.

Для студентов словесной секции предлагались лекции: История римской литературы. История западноевропейской литературы XIX в. (эпоха романтизма). Старославянский язык. История русской народной словесности (история эпических сюжетов). Обзор славянских литератур. Семинарские занятия велись по русской литературе; народной словесности; древнерусской литературе.

Для студентов исторической секции читались лекции: История греческой литературы. История античного искусства. История Рима в эпоху империи. История Возрождения в Италии. История Западной Европы в XIV—XV вв. Французская монархия в XVI—XVII вв. История французской революции. А семинарские занятия велись по римской истории II века до Р.Х.; истории Германии в Средние века; истории Карла Великого; истории французской революции; Судебнику царя Федора Иоанновича; истории Русского Севера в XVII в.; историографии, философии и методологии истории.

Кроме этих занятий для желающих Г.И. Челпанов читал курс «О задачах университетского образования».

В 1915/1916 учебном году тематика лекций и семинарских занятий изменилась, но в целом блоки дисциплин (словесных

наук и исторических) были столь же разнообразны и столь же (как отмечал В.Ф. Булгаков) мало согласованы друг с другом. Что касается чисто философских тем, то в этом учебном году был объявлен курс по истории древней философии до Аристотеля, по философии Аристотеля, истории эстетических учений, педагогике.

А семинарские занятия велись по философии Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, этике Вл. Соловьева и др.⁷

Таким образом, студенты философского отделения получали солидную подготовку как по философским дисциплинам, особенно по истории античной философии и немецкому идеализму (большинство произведений философов изучалось по первоисточникам на древнегреческом и немецком языках), а также в соответствующих секциях по истории и словесным наукам.

После революции 1917 г. вплоть до 1919 г. структура историко-филологического факультета и программы обучения не менялись. А в 1919 г. по решению Наркомпроса РСФСР были ликвидированы во всех университетах России юридические факультеты (кому была нужна буржуазная юриспруденция после социалистической революции?!), и в Московском университете на базе некоторых кафедр ликвидированного юридического факультета и исторического отделения историко-филологического факультета был создан факультет общественных наук (ФОН). Историко-филологический факультет превратился в филологический, продолжавший функционировать в составе трех отделений — классического, романо-германского и философского. Занятия на философском отделении вплоть до 1921 г. продолжались по старому учебному плану, и состав кафедры философии изменился мало. Правда, в 1917 г. скончался В.Ф. Эрн, в 1918 г. ушел из жизни еще один приват-доцент — Д.В. Викторов, а в 1920 г. умер ведущий профессор кафедры Л.М. Лопатин, но содержание других читавшихся курсов оставалось на прежнем уровне. Вот, например, как характеризует состояние преподавания философских дисциплин в эти годы В.И. Бессонова в своей диссертации, защищенной в 1953 г.: «В программу занятий по философии входило главным образом изучение идеалистической философии самых ярких представителей идеалистического направления. Учебный план философского отделения, действовавший до 1919 / 1920 учебного года, включал семинары по Шеллингу, Гегелю, семинары по теоретической философии Канта, семинары по Лейбницу (ЦГАОР, ф. 1565, оп. 3, д. 52, л. 7). При этом на все эти семинары отводилось по 2—4 недельных часа на каждый. На курс по истории новой философии отводилось 2 недельных часа, а на курс философии Канта — 4 часа. Идеализм и мистика пронизывали учебный процесс философского отделения и состав-

ляли основное содержание философских дисциплин. Изучение же материалистической философии игнорировалось; семинары по марксистско-ленинской философии в план преподавания не были включены»⁸. На оценку В.И. Бессоновой преподавания философии, конечно, повлияло время написания диссертации, но общую картину она передает верно: содержание преподавания после революции на философском отделении не изменилось, и студенты получали фундаментальные знания по основным этапам развития философии.

Философское отделение прекратило существование в марте 1921 г., ибо в соответствии с декретом Совнаркома от 4 марта 1921 г. «О плане организации факультетов общественных наук российских университетов» на факультете общественных наук МГУ на базе филологического факультета были созданы два отделения — литературно-художественное и этнолого-лингвистическое. Подготовка философских кадров на ФОНе не предусматривалась, хотя кафедра философии не была ликвидирована, а переведена на ФОН, но в сильно сокращенном составе. На ней числились только Л.И. Аксельрод, Г.О. Гордон, А.В. Кубицкий (который в 1911 г. в знак протеста против действий министра народного просвещения Кассо подал в отставку и вернулся в университет только в 1917 г.), Г.И. Челпанов и Г.Г. Шпет (который в 1921 г. стал одновременно директором созданного при ФОНе Института научной философии⁹). Г.Г. Шпет попытался в своем институте организовать занятия по учебному плану ликвидированного философского отделения, чтобы дать возможность студентам отделения закончить университет по специальности «философия». В осеннем семестре 1921 г. дали согласие вести занятия Л.И. Аксельрод, Н.Д. Виноградов, Б.П. Вышеславцев, И.В. Попов, С.Л. Франк, Г.И. Челпанов и другие сотрудники Института научной философии. Однако полностью воплотить в жизнь намеченное не удалось. Летом 1922 г. последовали аресты И.А. Ильина, С.Л. Франка, начались гонения на любые попытки свободомыслия, а осенью 1922 г. были высланы из Советской России негодные власти ученые, в том числе профессора университета Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, С.Л. Франк. В начале 1923 г. был отстранен с поста директора института Г.Г. Шпет. В университете не осталось ни одного преподавателя философии, не разделявшего марксистских убеждений. Подготовка философов в университете прекратилась.

Подготовка специалистов по философии в Московском университете возобновилась в 1926 г., но уже на строго марксистской основе. После ряда реорганизаций факультет общественных наук в 1925 г. был ликвидирован, а на его основе созданы факультет советского права и этнологический факультет с отделениями:

историко-археологическим, этнографическим, литературным и изобразительных искусств. В 1926 г. на историко-археологическом отделении была введена специальность «философия» и на следующий год открыт философский цикл для подготовки специалистов по диалектическому и историческому материализму и атеизму. Срок обучения на факультете был увеличен с трех до четырех лет. Философские дисциплины на отделении преподавали В.А. Артемов, В.Ф. Асмус, Г.Н. Баммель, Н.А. Карев, К.Н. Корнилов, А.В. Кубицкий, И.К. Луппол¹⁰.

Однако до выпуска специалистов по философскому циклу дело не дошло. В 1930 г. в стране началась перестройка высшего образования. Целью перестройки объявлялась необходимость готовить кадры для практической работы, а не для теоретических исследований. На базе университетских факультетов были созданы отраслевые институты: медицинский, юридический, геологический, химико-технологический и др. Этнологический факультет был преобразован в два факультета: литературы и искусства и историко-философский, а в 1931 г. историко-философский факультет, преобразованный в отделение, был выведен из МГУ, и на его базе был образован Московский институт философии и истории, который в 1933 г. после переведения в него из университета еще и нескольких литературных кафедр стал называться Московский институт философии, литературы и истории (МИФЛИ), который чаще фигурировал под аббревиатурой ИФЛИ¹¹.

Таким образом, после ликвидации в 1921 г. философского отделения филологического факультета наладить в МГУ выпуск специалистов по философии так и не удалось. Преподавателей диалектического материализма и исторического материализма, курсы которых читались в высших учебных заведениях страны, готовили Институт красной профессуры, Академия коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской, другие высшие партийные учебные заведения, а в Московском университете полноценная подготовка специалистов по философским дисциплинам началась только в 1942 г., после того как в конце декабря 1941 г. МИФЛИ был ликвидирован и все его факультеты (философский, исторический, литературный и созданный в 1938 г. экономический) влиты в состав МГУ. Произошло это в суровые годы войны, в Ашхабаде, куда были эвакуированы МИФЛИ и большая часть коллектива МГУ (несколько подразделений были эвакуированы в Свердловск, ныне Екатеринбург).

Философский факультет составляли всего две кафедры: диалектического и исторического материализма и истории философии. В Ашхабаде к философскому факультету был присоединен Институт психологии под руководством А.Н. Леонтьева. Но нала-

дить регулярные занятия в Ашхабаде, несмотря на героические усилия коллектива университета, так и не удалось: не было учебных помещений, кадров преподавателей, да и студентов постоянно отвлекали на сельскохозяйственные и другие работы¹².

Летом 1942 г. руководство университета добилось разрешения переехать всему университету в Свердловск, где для занятий условия были несравненно более подходящие. Осенью 1942 г. на философском факультете была создана кафедра психологии, которую возглавил С.Л. Рубинштейн, получивший в 1942 г. Сталинскую премию второй степени за опубликованную в 1940 г. книгу «Основы общей психологии». 15 октября 1942 г. начались более или менее регулярные занятия на философском факультете. Как вспоминал один из первых студентов факультета Н.Ф. Овчинников, поступивший в МГУ в Свердловске в 1942 г., на первом курсе было пять человек: три студента и два инвалида войны. Лекции по истории философии на всех курсах читал М.А. Дынник¹³.

Летом 1943 г. университет из эвакуации возвратился в Москву, где в коллектив философского факультета влились некоторые студенты МИФЛИ, не покидавшие Москвы в 1941—1943 гг.¹⁴ Пополнился и коллектив преподавателей. С 1943 г. лекции на факультете читали В.Ф. Асмус, З.Я. Белецкий, Г.М. Гак, П.Я. Гальперин, Ф.И. Георгиев, М.А. Дынник, М.Т. Иовчук, Д.А. Кутасов, А.Ф. Лосев, М.Ф. Овсянников, П.С. Попов, С.Л. Рубинштейн, О.В. Трахтенберг, Б.А. Фохт, Б.С. Чернышев, И.Я. Щипанов и др. Несмотря на то что усилиями З.Я. Белецкого в 1944 г. из университета удалили А.Ф. Лосева, которого Белецкий называл «гегельянцем» и «мистиком» и обвинял в том, что в своем курсе логики он излагает историю философии¹⁵, придавая особое значение идеалистическим учениям, состав преподавателей свидетельствует о том, что знания студенты получали основательные (правда, это не значит, что все студенты эти знания усваивали).

Усилиями М.Т. Иовчука, который в то время занимал ответственный пост в аппарате ЦК ВКП (б), будучи заместителем начальника Управления пропаганды и агитации, в 1943 г. на факультете была создана кафедра истории русской философии, которую М.Т. Иовчук и возглавлял по совместительству.

Несмотря на солидный и авторитетный состав профессуры, идейную обстановку на факультете фактически определял заведующий кафедрой диалектического и исторического материализма профессор Зиновий Яковлевич Белецкий, который даже не имел ученых степеней (в 1925 г. он окончил медицинский факультет МГУ, а в 1929 г. естественное отделение Института красной профессуры). О роли З.Я. Белецкого не только на

факультете, но и в философской жизни в стране писали в последние годы многие¹⁶, в свою очередь хочу добавить некоторые штрихи к его портрету, чтобы яснее понять, почему он пользовался авторитетом у студентов.

Я поступил на философский факультет в 1947 г., когда имя З.Я. Белецкого уже получило широкую известность. Это был небольшого роста горбатый человек с острыми чертами лица. Из-за кафедры обычно выглядывала только его голова. Лекций студентам он, как правило, не читал, а вел занятия с аспирантами, но на факультетских собраниях, заседаниях Ученого совета выступал часто, и студенты были знакомы со взглядами этого профессора, который обычно страстно громил всякого рода идеалистов и искажителей марксизма. Особенно запала в память сцена заседания то ли Ученого совета факультета, то ли какого-то собрания, проходившего в круглом зале факультета. Факультет занимал тогда второй этаж левого крыла старого здания МГУ, третий этаж над нами занимали филологи. Круглый зал выходил окнами на Моховую улицу и улицу Герцена (ныне Большая Никитская). Зал был полон, и студенты стояли вдоль стен по обе стороны от входной двери. Обсуждался вопрос об объективной истине. И вот З.Я. Белецкий выходит из-за кафедры, подходит к открытой форточке и, простирая руку в ее сторону, картинно провозглашает: «Вот объективная истина!» Дело в том, что он считал извращением марксизма точку зрения, которая рассматривала объективную истину как верное отражение в сознании объективной реальности. С его точки зрения, истина есть то, что человек познает. Ведь мы познаем объективную истину, следовательно, истина есть не отражение в сознании внешнего мира, а сам внешний мир как объект познания. Если человек познает объективную истину, то этой истиной может быть только объективная реальность, а вот отражение этой объективной реальности в сознании субъекта дает субъективную истину. Причем Белецкий редко прибегал к доказательству своей точки зрения с помощью цитирования классиков марксизма, он предпочитал собственные рассуждения и этим привлекал студентов и аспирантов, заставляя и их на занятиях рассуждать, а не ссылаться на цитаты. Об этом очень верно пишет Ф.Х. Кессиди¹⁷. Не случайно сторонниками З.Я. Белецкого стали такие талантливые аспиранты, а затем и преподаватели, как А.И. Вербин, Ш. Герман, В.Ж. Келле, М.Я. Ковальзон, Д.И. Кошелевский, Е.А. Куражковская и др.

В Белецком привлекала его страстная уверенность в своей правоте. Он обвинял в антимарксизме философское руководство страны и в то же время не стеснялся подвергать сомнению истинность некоторых высказываний классиков марксизма. Все явления общественной жизни он рассматривал как проявления

классовой борьбы и был уверен, что сам является наиболее верным истолкователем интересов пролетариата. Вся идеология эксплуататорских классов, с его точки зрения, направлена на искажение истинной картины мира, а пролетарская идеология, выражая интересы трудящихся масс, напрямую вытекает из классового сознания пролетариата и потому не может быть искажением действительности. Идеалистическую философию он трактовал как отражение интересов эксплуататорских классов, а потому она не может быть средством осмысления реальности. Только материалистические учения достойны изучения, ибо в них содержится зерно истины. А вообще-то, с точки зрения Белецкого, изучения достойна только марксистская философия, которая отражает интересы пролетариата, класса, призванного покончить с эксплуатацией и угнетением трудящихся. Поэтому к изучению истории философии он относился скептически.

З.Я. Белецкий постоянно критиковал философские позиции философского руководства страны: начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова, философов-академиков М.Б. Митина, П.Ф. Юдина и др. По его письму Сталину, в котором он раскритиковал позиции авторов третьего тома «Истории философии» за некритическое, как утверждал Белецкий, отношение к немецкой классической философии, было принято решение Политбюро ЦК ВКП(б), осуждающее авторов тома. По его же письму тоже И.В. Сталину ЦК ВКП(б) принял решение об обсуждении книги Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии». А.Д. Косичев пишет в связи с этим, что такое внимание к письмам простого заведующего кафедрой Московского университета заключалось, видимо, в том, «что Сталину больше импонировали идеи Белецкого, чем взгляды Александрова по анализу философии Гегеля»¹⁸. Мне же представляется, что выступления заведующего кафедрой против руководства, как тогда говорили, «философского фронта» страны позволяло Сталину держать в напряжении тех, кто, казалось бы, ни от кого не зависел и никого не боялся. Сталину нужно было держать в ожидании ареста всех руководителей всех отраслей науки и промышленности. С помощью страха он добивался абсолютного подчинения и не допускал независимого поведения руководителей любого ранга. А то, что обвинения в антимарксистских взглядах могло привести не только к снятию с руководящих постов, но и к арестам, ни у кого тогда сомнений не вызывало. Ведь были же объявлены врагами народа и арестованы преподаватели диалектического и исторического материализма Московского университета С.С. Гольдентрихт и М.Ф. Козлов, которые ничего противозаконного не совершили. Да и студенты университета вдруг бесследно исчезали и даже спрашивать об их

судьбе было небезопасно. Так что письма З.Я. Белецкого с обвинениями в антимарксизме руководящих деятелей «философского фронта» нужны были Сталину не из-за их философского содержания, а как инструмент давления на своих верных сатрапов. И З.Я. Белецкий нужен был Сталину именно как критик философского руководства. Вот почему до смерти Сталина все противники Белецкого, а их на факультете было немало, ничего не могли сделать со строптивым профессором, несмотря на все решения партийных собраний, деканата и ректората МГУ. Только в 1955 г. Белецкого все же вынудили уйти из университета.

А обстановка в стране после окончания Великой Отечественной войны была весьма беспокойной. Видимо, из опасения вольнолюбивых настроений в среде победителей в тяжелейшей войне руководство страны постоянно организовывало идеологические кампании, выпускало постановления ЦК ВКП(б), которые обязательно обсуждались на партийных и комсомольских собраниях, «прорабатывались» в творческих организациях, изучались в учебном процессе.

Вот только простой перечень постановлений ЦК партии и массовых идеологических кампаний 1944—1952 гг.:

1944 г. — «О третьем томе истории философии».

1945 г. — «О недостатках в преподавании основ марксизма-ленинизма в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского».

1946 г. — «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению». «О кинофильме “Большая жизнь”». Решение Секретариата ЦК ВКП(б) о проведении дискуссии по книге Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии».

1948 г. — «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели». Сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина (ВАСХНИЛ), положившая начало разгрому генетики и борьбе с космополитизмом.

1949 г. — Повсеместное обсуждение по указанию ЦК ВКП(б) редакционных статей газет «Правда» и «Культура и жизнь» «Об одной антипатриотической группе театральных критиков».

1950 г. — На страницах газеты «Правда» статьей А. Чикобавы открыта дискуссия по вопросам языкознания. 20 июня опубликована статья Сталина «Относительно марксизма в языкознании», затем вышла работа Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». «Сталинское учение о языке» включено в учебные программы по общественным наукам.

1951 г. — «О мерах улучшения преподавания общественных наук в высших учебных заведениях».

1952 г. — Обсуждение макета учебника по политической экономии. Опубликована работа Сталина «Экономические про-

блемы социализма в СССР», изучение которой включено в программу курса политэкономии, который читался на всех факультетах университета и других вузов.

Как видно из перечня постановлений ЦК, такой интенсивной идеологической обработки населения страна не знала даже в зловещие 1937—1938 гг. Все это не могло не сказываться на учебном процессе. Особенно остро, с кадровыми перестановками, переживался на факультете период борьбы с космополитизмом, который достиг своего пика в 1949 г.¹⁹ На партийных собраниях факультета обсуждался, например, такой «философский» вопрос: сколько евреев на каждой кафедре, ибо в каждом еврее виделся скрытый космополит и антипатриот. В 1949 г. был освобожден от заведования кафедрой психологии Сергей Леонидович Рубинштейн, книгу которого «Основы общей психологии», удостоенной Сталинской премии, обвиняли в антимарксизме, уволен с факультета профессор Григорий Моисеевич Гак. Обвиняли в идеализме В.Ф. Асмуса, поскольку приклеить к нему кличку космополита не получалось. П.В. Таванец, например, обвинял Асмуса в том, что, излагая формальную логику, тот «игнорирует совершенно работы русских материалистов-философов». И вообще «Логика» Асмуса от начала до конца — пропаганда идеализма, «образец несовершенства в работе» и «эклектическая похлебка идей»²⁰.

Обстановка в стране складывалась такая, что заставляла не только каяться в несуществующих грехах, но и возводить напраслину на других. Эту обстановку очень ярко характеризует письмо выпускника философского факультета Е.М. Вейцмана, без всяких причин уволенного из Института философии в 1949 г. Это письмо, адресованное Сталину, приводят в своей статье Г.С. Батыгин и И.Ф. Девятко. «Еще будучи аспирантом философского факультета Московского университета, — пишет Е. Вейцман, — в феврале 1948 г. я выступил на заседании Ученого совета философского факультета, на котором обсуждался журнал “Вопросы философии”, № 2. В своем выступлении на этом заседании я коснулся статьи З.А. Каменского “О традиции в русской материалистической философии”²¹ <...> Однако, несмотря на то, что я не ставил тогда своей задачей подробного разбора статьи Каменского, что она не занимала в моем выступлении значительного места и что я обратил внимание только на некоторые, в общем правильные мысли, я считаю свое выступление объективно неправильным, ошибочным, так как за громкими фразами о “материалистических традициях”, за провозглашением необходимости увязывать традиции в русской философии с социально-политическими, классовыми условиями русской действительности, — я не сумел разглядеть вредной сущности всей статьи в целом. Впоследствии, в процессе моей аспирантской учебы, мне при-

шлось познакомиться с другими работами Каменского, и я по иному оценил его статью в журнале “Вопросы философии”. Я убедился, что его точка зрения неправильна, антинаучна и что его статья, которую я раньше считал интересной и содержащей некоторые ценные мысли, является явно космополитической, антимарксистской, принижающей значение русской классической философии, делающей русских мыслителей простыми учениками западных буржуазных философов»²².

Вот до какого состояния доводила людей борьба с космополитизмом!

В последние годы жизни Сталина учебный процесс на факультете был заполнен изучением «гениальных произведений» «гениального продолжателя дела Ленина». С 1950 г. на семинарских занятиях изучалась работа Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». С 1952 г. новая работа Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» была поставлена в центр учебного процесса.

Даже после смерти Сталина обстановка на факультете изменилась не сразу. Очень многим памятно события 1955 г. вокруг обсуждения на Ученом совете факультета тезисов молодых преподавателей кафедры истории западноевропейской философии Э.В. Ильенкова и В.И. Коровикова о предмете философии. Опираясь на высказывания Ф. Энгельса, которые цитировал и В.И. Ленин, о том, что за философией остается только учение о законах процесса мышления, логика и диалектика, Ильенков и Коровиков подвергли сомнению существовавшее мнение о философии как учении о мире в целом, за что получили кличку «гносеологи». К сожалению, серьезного и вдумчивого обсуждения тезисов на Ученом совете не получилось. Видимо, страх перед аппаратом ЦК партии сидел достаточно глубоко, и напуганные выводом комиссии отдела науки при ЦК и МГК КПСС, которая в своей справке обстановку на факультете окрестила как антимарксистскую, члены Ученого совета подвергли Э.В. Ильенкова и В.И. Коровикова разностной критике, в которой не было ни анализа точки зрения молодых преподавателей, ни попыток разобраться в проблеме по существу. В результате факультет лишился двух талантливых и перспективных преподавателей, ибо В.И. Коровиков вообще порвал с философией, а Э.В. Ильенков вынужден был уйти в Институт философии²³.

В эти же годы факультет лишился еще нескольких творчески мыслящих преподавателей и аспирантов. Вдохновленные хрущевской «оттепелью» аспиранты кафедры истории русской философии Ю.Ф. Карякин, Е.Г. Плимак, Л.А. Филиппов и поддержавшие их молодые преподаватели кафедры Г.С. Арефьева, В.Н. Бурлак и прошедший войну и получивший серьезное ранение И.М. Паню-

шев выступили против фальсификации истории русской философии заведующим кафедрой И.Я. Шипановым. Досталось и М.Т. Иовчуку за искажение цитат путем выдергивания их из контекста и толкования, которое противоречит фактическому смыслу. Карякин, Плимак и Филиппов выступили со статьей в журнале «Вопросы истории»²⁴, а затем подвергли обстоятельному критическому разбору «Очерки истории философии и общественно-политической мысли народов СССР» во время их обсуждения в редакции журнала «Вопросы истории»²⁵. Молодые «бунтари» и в этом случае потерпели поражение. Старые кадры сидели крепко, занимали ключевые посты, обросли нужными связями, и победить их в открытой научной полемике было невозможно. В результате все трое (Карякин, Плимак, Филиппов) покинули кафедру без защиты диссертаций, а молодые преподаватели вынуждены были оставить кафедру и уйти с факультета.

Сейчас как-то даже трудно себе представить, как в той, насыщенной острыми идейными столкновениями атмосфере могли формироваться самостоятельно мыслящие, творчески активные специалисты, посвятившие свою жизнь не идеологическим разоблачениям, а серьезным философским исследованиям. Ведь именно в те послевоенные годы на факультете выросло поколение философов, которые реально двинули вперед философию, избавив ее от начетничества, пронизывавшего работы советских академиков М.Б. Митина, В.Ф. Константинова и некоторых других (из числа которых следовало бы исключить академика Б.М. Кедрова).

Несмотря на идеологический контроль за факультетом со стороны ЦК партии и схоластический характер философских споров на факультете в первые годы его существования (например, Ф.Т. Михайлов приводит в своей статье эпизод о споре вокруг запятой во фразе В.И. Ленина об объективной истине²⁶), философский факультет давал основательные знания философских проблем, главным образом благодаря изучению произведений классиков философии. Такое внимание к изучению произведений выдающихся философов прошлого было в основном на кафедрах истории западноевропейской философии и логики, где в числе преподавателей были профессора еще старой дореволюционной выучки (например, В.Ф. Асмус, А.С. Ахманов, П.С. Попов, М.А. Дынник, О.В. Трахтенберг).

О высоком уровне образования на философском факультете в послевоенные годы говорит выпускник 1952 г. А.М. Пятигорский, который в 1973 г. эмигрировал и преподавал индийскую философию в Германии, Англии, США. «И вот, — говорит он, — сравнивая уровни философского образования сегодня в Европе и США с тем, что было у нас тогда, я хочу сказать, что у нас были хорошие преподаватели»²⁷.

Конечно, существенное значение имело и то, что послевоенное поколение молодежи, несмотря на полуголодное существование, активно, даже страстно, стремилось к знаниям. Этому поколению нужны были не «корочки» диплома, а знания, которые помогали бы разбираться в реалиях жизни.

Многие студенты, пришедшие на философский факультет после войны, уже имели за плечами суровую школу армейской военной жизни, и к учебе они относились серьезно, хорошо понимая значение знаний в жизни. Среди этого контингента учащихся можно назвать В.Ж. Келле, П.В. Копнина, А.М. Ковалева, С.Ф. Анисимова, С.Р. Микулинского, В.В. Богатова, А.П. Бутенко, Э.В. Ильенкова, В.И. Коровикова, Д.М. Угриновича, М.Н. Грецкого, А.А. Зиновьева, В.А. Малинина, И.С. Тимофеева, В.И. Мишина, И.Г. Иванова, О.В. Лапшина, С.И. Попова, Е.Г. Плимака и многих других, которые задавали тон на факультете, на которых равнялись недавние выпускники школ, ни в чем не желая уступать старшим товарищам и стремясь критически, творчески осваивать преподносимый им на лекциях и семинарах материал.

Как вспоминает академик РАН Л.Н. Митрохин, учившийся на факультете (включая аспирантуру) в 1948—1956 гг.: «В 50-е годы основным рассадником “ересей” оставался философский факультет МГУ. <...> В это время группа молодых философов (А.А. Зиновьев, Э.В. Ильенков, Б.А. Грушин, М.К. Мамардашвили) предложила и разработала особую концепцию диалектики и логики <...>. С 1954 г. на философском факультете активно работал спецсеминар Э.В. Ильенкова (В.А. Лекторский, Г.С. Батищев, Л.Н. Науменко, В.М. Межуев и др.), возникла целая “ильенковская школа”, нашедшая последователей во многих университетах на периферии»²⁸.

А вот что пишет о ситуации на факультете выпускник следующего года, безвременно ушедший из жизни известный специалист в области логических исследований В.А. Смирнов, который был студентом факультета в 1949—1954 гг.: «Преподавание на философском факультете было удручающим: все до предела заидеологизировано, во всем усматривались происки классового врага и мирового империализма. Диалектический материализм преподавался по четвертой главе “Краткого курса истории ВКП(б)”. Но и в этих условиях, несмотря ни на что, сформировалась целая плеяда думающих философов» (подчеркнуто мной. — А.П.)²⁹.

Конечно, формирование творчески мыслящих, критически относящихся к изучаемому материалу специалистов происходило не само собой, не только благодаря личным качествам студентов. В этом процессе огромную роль играли работавшие на факультете

профессора старой, еще дореволюционной закалки, а также пришедшие с войны молодые преподаватели, еще до войны воспринявшие свободный дух, существовавший в МИФЛИ. В первую очередь все учившиеся в послевоенные годы отмечают благотворное воздействие на них Валентина Фердинандовича Асмуса. Именно В.Ф. Асмус вел семинары, на которых сформировалась целая плеяда ныне известных философов. «В 1952—1953 гг., — пишет В.А. Смирнов, — Валентин Фердинандович провел спецкурс—спецсеминар под названием “Логика эпохи рационализма и эмпиризма”. В работе этого спецсеминара—спецкурса участвовали мои однокурсники Е.Д. Смирнова, Ф.Т. Михайлов, И.Б. Михайлова, В.М. Козлов, я, а также студенты старшего курса Г.П. Щедровицкий и Л.Н. Митрохин <...> Были изучены произведения Галилея, Бэкона, Декарта, Локка, Юма, Лейбница <...> В следующем 1953/1954 учебном году Валентин Фердинандович предложил спецкурс—спецсеминар под названием “Логика эпохи империализма”. Несмотря на одиозное название, это было серьезное изучение философии и логики конца XIX и начала XX в. <...>. Мы делали доклады по доступным нам произведениям Гуссерля, Риккерта, Кассирера, Пуанкаре и др. Валентин Фердинандович излагал нам идеи логиков и философов, чьи произведения нам были недоступны»³⁰. Так же высоко оценивает роль В.Ф. Асмуса в приобщении студентов к современной проблематике А.Л. Субботин. «1947—1949 гг., — пишет он, — можно считать переломными в логическом образовании на философском факультете МГУ, которое до этого в общем ограничивалось проблематикой, содержащейся в “Учебнике логики” для гимназий Г.И. Челпанова. <...> Лекции по логике отношений В.Ф. Асмуса, как и лекции по математической логике, которые в то время читала на философском факультете С.А. Яновская (профессор механико-математического факультета. — *А.Л.*), стали первым прорывом небольшой, лишь снисходительно допускаемой официальной идеологией части нашей философии к действительно современной научной проблематике»³¹. А вот курс символической логики, который Софья Александровна Яновская начала читать в осеннем семестре 1946 г. вскоре был запрещен как «буржуазная наука», и руку к этому приложил опять-таки З.Я. Белецкий, усмотревший в этом курсе пропаганду идеализма.

Но все же после смерти Сталина философский факультет Московского университета быстрее оправился от давления партийной идеологии, чем философские учреждения, не имевшие в своем составе такой мощной молодежной прослойки. Оценивая роль журнала «Вопросы философии» в оздоровлении философской жизни в стране, В.Н. Садовский справедливо замечает, что в 50-е гг. философский факультет Московского университета «был гораздо более прогрессивным учреждением по сравнению, напри-

мер, с Институтом философии»³², и именно выпускники философского факультета МГУ и его аспиранты подняли журнал на ту высоту, которая сделала именно его, а не академические учреждения центром философской жизни в стране. Если мы посмотрим список выпускников философского факультета МГУ, работавших в «Вопросах философии» в 50-е гг., то увидим, что для многих из них журнал стал трамплином, с которого они поднялись к вершинам философского творчества. Это Э.А. Араб-оглы, А.Г. Арзаканян, Н.Б. Биккенин, И.В. Блауберг, Г.Н. Волков, Л.И. Греков, Н.И. Лапин, М.К. Мамардашвили, В.С. Марков, В.М. Михкалев, Ю.Б. Молчанов, И.Б. Новик, А.П. Огурцов, Б.С. Пышков, В.Н. Садовский, Э.Ю. Соловьев, А.Л. Субботин, Е.Т. Фаддеев, И.Т. Фролов, А.Я. Шаров. А когда И.Т. Фролов в 1968 г. сменил М.Б. Митина на посту главного редактора, то руководящие посты в журнале заняли выпускники философского факультета М.К. Мамардашвили, Л.И. Греков, Б.А. Грушин, А.А. Зиновьев, В.Ж. Келле, В.А. Лекторский, Л.Н. Митрохин. А другой выпускник факультета — П.В. Копнин стал директором Института философии АН СССР³³.

Такой подбор кадров свидетельствует о высоком уровне подготовки студентов и аспирантов на философском факультете МГУ. Ведь кроме МГУ философские кадры «ковались» и в Высшей партийной школе при ЦК КПСС, и в Академии общественных наук при ЦК КПСС, и в Высшей партийной школе МК и МК КПСС, существовала философская аспирантура в Институте философии АН СССР, во многих вузах Москвы. Но все же философский факультет Московского университета давал более фундаментальную подготовку, и среди отечественных специалистов в области философских наук, достигших общемирового уровня, мы видим больше всего выпускников философского факультета МГУ.

А.Д. Косичев приводит в своей книге сведения идеологического управления КГБ СССР о том, что философский факультет МГУ больше всех других факультетов дает диссидентов³⁴. Это, на мой взгляд, свидетельствует только о том, что философский факультет, точнее, философия как особый род духовной деятельности, воспитывает свободомыслие, критическое отношение к действительности, что является основой творческого процесса. Ведь творчество невозможно без критического отношения к существующему. Пассивное некритическое восприятие данного губит творческие порывы, формирует приспособленческое поведение. Но свободомыслие вовсе не означает враждебной деятельности по отношению к государству или общественному строю.

К сожалению, власть предрасположена понять это не могли. С точки зрения партийного руководства, любое расхождение во взглядах означало покушение на основы государственного строя и

требовало приведения разномыслия к одному, к слепой поддержке любых самых нелепых действий власти. В справке отдела науки и культуры ЦК КПСС, составленной в 1955 г. по результатам проверки комиссией идеологической обстановки на философском факультете, с осуждением говорится, что «среди неустойчивой, марксистски слабо подготовленной части студентов, аспирантов и преподавателей стало модным критиканство и демагогия. На факультете появилось мнение, что наличие многочисленных разногласий и точек зрения является положительным фактором, свидетельствующим не о застое, а о жизни и творчестве в философской науке»³⁵. А в «марксистски слабо подготовленные» зачислены Э.В. Ильенков и В.И. Коровиков, которые именно с марксистских позиций пытались решать любые вопросы философии, в частности вопрос о предмете философии.

В середине 50-х гг. обстановка на факультете под влиянием перемен, происходивших в стране, стала понемногу меняться. Наконец-то удалось убрать с факультета непримиримого борца против идеализма — З.Я. Белецкого, В.Ф. Асмусу разрешили перейти с кафедры логики на «идеологическую» кафедру истории западноевропейской философии, которая в 1957 г. была переименована в кафедру истории зарубежной философии. На кафедре появился курс критики современной буржуазной философии, что позволило теперь уже совершенно легально знакомить студентов с произведениями зарубежных философов XX столетия. На кафедре истории русской философии, которая с 1955 г. стала называться кафедрой истории философии народов СССР, появились отдельные лекции и спецкурсы, рассматривающие философские взгляды русских философов идеалистического направления — Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева, славянофильство получило более взвешенную оценку и т.п. Курсы философских проблем естествознания, которые читали преподаватели кафедры диалектического материализма, стали знакомить студентов с современными проблемами естественных наук, еще недавно трактуемыми как результат влияния идеалистической буржуазной философии. Вообще очень медленно, с трудом преодолевая идеологические штампы сталинской эпохи, философия приобретала современное звучание.

Более подробно становление на философском факультете новых кафедр, их преподавательский состав описаны в одной из моих работ³⁶, поэтому в этой статье этих вопросов я касаться не буду.

В заключение хочу только подчеркнуть факт, признаваемый многими выпускниками факультета и подтверждаемый их профессиональным ростом, что философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, несмотря на чрезвычайно сложные идеологи-

ческие обстоятельства первых десятилетий своего существования, всегда давал знания, позволявшие его выпускникам решать самые сложные философские проблемы и быть на уровне мировой философской мысли.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹В других университетах России возобновление преподавания философии произошло позднее из-за отсутствия преподавателей, способных читать полный университетский курс истории философии, а также логику и психологию

²Журнал Министерства народного просвещения. 1860. Ч. CVI. Апрель. С. 6.

³Подробнее см.: *Павлов А.Т.* Философия в Московском университете // Философский факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова: Очерки истории. М., 2002.

⁴Попов И.В. — преподаватель Московской духовной академии. С 1908 г. вне штата читал лекции на историко-филологическом факультете, а с 1914 г. стал приват-доцентом Московского университета.

⁵Цит. по: Русское зарубежье в год тысячелетия Крещения Руси. М., 1991. С. 62.

⁶*Булгаков Валентин.* Университет и университетская наука. (Почему я вышел из университета?) 2-е изд. М., 1919. С. 9.

⁷Обзор преподавания наук в Имп. Московском университете (историко-филологический факультет) в 1914/1915 и 1915/1916 уч. г.

⁸*Бессонова В.И.* Московский университет в период иностранной военной интервенции и гражданской войны: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1953. С. 214—215.

⁹См.: *Коган Л.А.* Непрочитанная страница (Г.Г. Шпет — директор Института научной философии: 1921—1923) // Вопросы философии. 1995. № 10.

¹⁰См.: *Павлов А.Т.* Философия в Московском университете в после-революционные годы (1917—1941) // Филос. науки. 2003. № 9.

¹¹История Московского университета. М., 1955. Т. 2. С. 119; *Шарапов Ю.П.* Лицей в Сокольниках. Очерки истории ИФЛИ (1931—1941). М., 1996.

¹²История Московского университета. С. 275—281.

¹³См.: *Овчинников Н.Ф.* Вспоминая прошлое // Вопросы философии. 1999. № 7. С. 107.

¹⁴Заслуживает внимания тот факт, что в тяжелейших условиях войны 15 сентября 1943 г. было принято постановление СНК СССР об освобождении студентов от призыва в Красную армию. Вот как советское правительство понимало значение интеллектуального потенциала страны!

¹⁵Это признает и В.В. Соколов, который отмечает, что лекции А.Ф. Лосева по курсу логики были насыщены «историко-философски от Платона до Гегеля» (*Соколов В.В.* Некоторые эпизоды предвоенной и послевоенной философской жизни // Вопросы философии. 2001. № 1. С. 76).

Этим, кстати, «грешил» и В.Ф. Асмус, о лекциях которого З.А. Каменский пишет: «В этих лекциях по проблемам формальной логики В.Ф. Асмус большое внимание уделял историко-философским экскурсам» (Философия не кончается... М., 1999. Кн. 2. С. 311).

¹⁶См.: *Батыгин Г., Девятко И.* Дело академика Г.Ф. Александра: эпизоды 40-х годов // *Человек.* 1993. № 1; *Они же.* Дело профессора З.Я. Белецкого. Эпизод из истории советской философии // *Свободная мысль.* 1993. № 11; *Кессиди Ф.Х.* О феномене З.Я. Белецкого // *Филос. науки.* 1997. № 2; *Косичев А.Д.* Философия, время, люди. Воспоминания и размышления декана философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2003; *Михайлов Ф.Т.* Он сам — целая школа // *Драма советской философии.* Эвальд Васильевич Ильенков. М., 1997; *Овчинников Н.Ф.* Вспоминая прошлое; *Соколов В.В.* Некоторые эпизоды предвоенной и послевоенной философской жизни; *Философия не кончается...* Кн. 2.

¹⁷См.: *Кессиди Ф.Х.* О феномене З.Я. Белецкого.

¹⁸См.: *Косичев А.Д.* Философия, время, люди. С. 104.

¹⁹См.: *Батыгин Г.С., Девятко И.Ф.* Еврейский вопрос: хроника сороковых годов // *Вестн. РАН.* 1993. Т. 63. № 2. С. 4; *Косичев А.Д.* Философия, время, люди. С. 118—126.

²⁰*Батыгин Г., Девятко И.* Пятый пункт основного вопроса философии. Эпизоды 40-х годов // *Человек.* 1993. № 3. С. 112.

²¹Кстати, очень содержательная статья, подвергающая критике взгляды М.Т. Иовчука и И.Я. Щипанова. А Захар Абрамович Каменский в том же 1949 г. был уволен из Института философии.

²²*Батыгин Г.С., Девятко И.Ф.* Еврейский вопрос: хроника сороковых годов. С. 149.

²³См.: *Коровиков В.И.* Начало и первый погром // *Вопросы философии.* 1990. № 2; *Косичев А.Д.* Философия, время, люди. С. 243—249.

²⁴См.: *Карякин Ю., Плимак Е., Филиппов Л.* О произвольном обращении с источниками // *Вопросы истории.* 1955. № 9.

²⁵*Вопросы истории.* 1956. № 6.

²⁶См.: *Михайлов Ф.Т.* Он сам — целая школа. С. 147.

²⁷*Пятигорский А., Садовский В.* Как мы изучали философию. Московский университет. 50-е годы // *Свободная мысль.* 1993. № 2. С. 44.

²⁸*Митрохин Л.Н.* «Докладная записка»—74 // *Вопросы философии.* 1997. № 2. С. 49—50.

²⁹*Философия не кончается...* Кн. 2. С. 481.

³⁰Там же. С. 316.

³¹Там же. С. 323.

³²*Садовский В.Н.* «Вопросы философии» в шестидесятые годы // *Вопросы философии.* 1997. № 8. С. 37.

³³См.: *Садовский В.Н.* «Вопросы философии» в шестидесятые годы. С. 37—38; *Митрохин Л.Н.* «Докладная записка» 74. С. 49.

³⁴*Косичев А.Д.* Философия, время, люди. С. 200.

³⁵Цит. по: *Косичев А.Д.* Философия, время, люди. С. 242.

³⁶См.: *Павлов А.Т.* Философия в Московском университете // *Философский факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова: Очерки истории.* М., 2002.